

Архиепископ Львовский и Галицкий Августин

ПРАВОСЛАВИЕ И УНИАТСТВО: СОСУЩЕСТВОВАНИЕ ИЛИ ПРОТИВОСТОЯНИЕ?

Что такое привычная, ставшая традиционной, критика унии? Это — унизительное, бесконечное и бесполезное доказательство очевидного.

Унизительное, поскольку сам процесс научной аргументации как бы предполагает сомнение в том, что именно доказывается. Можно ли сомневаться в том, что уния незаконно заключалась от лица церковной полноты группой морально разложившихся представителей русского епископата, в том, что никаких духовных целей, кроме земных выгод для заключивших ее, уния не ставила? История унии — это история лжи и насилия. Для православных это слишком очевидно. Пострадавшая (православная) сторона не способна да и не имеет права говорить об унии стерильно-научным языком. Ведь, родившись в конце XVI века из смеси обманов, подкупов и кровопролитий, в конце XX века уния возродилась из той же «смеси». Для нынешнего поколения православных научно доказывать, что уния — зло, просто унизительно.

Доказательства эти не только унизительны, но и бесконечны. Тот, кто вел борьбу с помыслами, на собственном опыте убедился в правильности утверждений подвижников благочестия о том, что «переспорить» помысел невозможно. Вопреки любой логике и невзирая на противоположные доказательства, помысел с назойливостью мухи будет твердить свое.

Так и здесь. Перенеся разговор об унии в конференц-залы и на симпозиумы, мы оказываемся втянутыми в бесконечную говорильню, требующую сносок, ссылок, цитат и научных аргументов. Странники и апологеты унии чувствуют себя в этой атмосфере, как рыба в воде. Их научные кадры с поразительной проворностью заполняют вчерашний информационный вакуум своими «очерками», «опытами исследования»,

«монографиями», так что бороться с ними тем же «научным» оружием — дело поистине бесконечное¹.

Наконец — бесполезность. Дело в том, что униатство, закрепленное в трудах православных ученых, все же существует и распространяется. Раскрывая ложь униатства, мы в повседневной жизни продолжаем страдать от этой нами же разоблаченной неправды.

Критика, которая была оправдана 200, 100 или 50 лет тому назад, сегодня может оказаться устаревшей и неактуальной.

К примеру, если до недавнего времени католицизм исповедовал принцип *praesantia ritus Latini* (превосходства латинского обряда), на основании чего всячески боролся за торжество латинских форм благочестия, то сегодня Рим исповедует идею «единства в многообразии», а значит, позволяет восточным католикам свободно проявлять свою «восточность», правда, только там, где не затрагивается римско-католическая догматика и каноническое право. Уже один этот момент очень важен. Ведь в минувшие столетия и десятилетия именно нетерпимая и насильственная латинизация делала идею унии неприемлемой для православного Востока (в частности — России). Нынче униатству намного удобнее играть роль «тройного коня», то есть протаскивать в своем бутафорном чреве католицизм на территорию обороняющегося Православия.

Возвращаясь назад, повторимся, что объектом изучения должны быть не только документы прошлого, но и факты настоящего дня; не только внебрачный зародыш 400-летней давности, но и ныне существующий организм — одно из самых противоречивых детищ Римского престола.

Сама критика униатства должна рассматриваться не как чисто научно-историческая тема исследования в узком кругу специалистов, а в широком и глубоком кругу моря людей Божиих, детей Матери Церкви. Это нужно делать для пользы.

¹ Вот один из примеров «научного творчества». Известный идеолог возрождения унии — Ирина Калинец — не так давно издала книгу, в которой «научно доказывает», что преп. Феодосий Печерский и митрополит Иларион, автор слова «О законе и благодати», — это одно лицо (!?). Неужели и это тоже необходимо опровергать? (См.: *И. Калинец. Загадка крещения Украины-Руси. 2 часть. «Иларион»*. Львов, «Мисионар»).

Мы говорим: «Уния бесплодна и разрушительна». Как аргументировать свое убеждение на фоне утверждений, будто бы уния — это мост между Востоком и Западом, путь их взаимного единения и примирения в будущем? Поинтересуемся, как сегодня Римский престол относится к Православию. Вот энциклика Папы Иоанна Павла II *Ad oriente lumen*, то есть «Свет с Востока».

В ней понтифик указывает на отдельные черты православной духовности, на, так сказать, «золотой фонд» православного Востока и призывает католиков быть внимательными к этим сокровищам, ценить, перенимать и беречь их. Называет, в частности, богослужение православных, которое уже одно способно воспитать человека и в нравственном, и в догматическом, и в эстетическом, и в аскетическом отношении. Папа Римский называет и монашество, сохранившее уникальное сочетание строгого подвижничества с духовной радостью о Воскресшем Христе, традиции умной молитвы и многое другое. Называет старцев — людей, которые не в силу иерархического авторитета, а в силу реально достигнутой святости руководят ко Христу церковный люд. Одним словом, согласно с оценкой главы РКЦ, на Востоке есть чему удивиться и чему поучиться.

Но возникает вопрос: почему объектом изучения не является униатская традиция? Ведь если она идентична православной, то, благодаря ее единству с Римом, ее и изучать удобнее, и опыт перенимать проще? Тут мы и находим для себя доказательства своего убеждения в том, что «уния — бесплодна и разрушительна».

Реальные униаты ничем из Восточных сокровищ уже давно не обладают. Процесс потери духовной идентичности был постепенным, поэтому униаты XIX-XX веков очень отличаются от униатов XVI века. Современная ситуация в отношениях между Православной Церковью и Греко-Католической Церковью очень сложная, ибо пропасть становится все шире по сравнению с той, которая была в XVII веке, когда святитель Петр Могила мог самолично вести диалог с униатами.

Римский престол в XX веке благословляет изучать то, что в прежние века благословлял уничтожать.

Греко-Католическая Церковь соотносится ныне с Православной так, как выведенное яйцо с настоящим. В порядке,

указанном выше (богослужение, монашество, старчество), рассмотрим это детальнее.

В минувшие столетия, когда католицизм «жал» на униатов, последние упорно сопротивлялись латинизации. Ни орган, ни служба на пресном хлебе, ни Причастие под одним видом для мирян не нашли места в стенах греко-католических храмов Галиции. Священство заставили сбрить бороды и снять рясы, но так и не заставили перейти к поголовному целибату. Был сохранен язык молитвы, церковно-славянский, и календарь — юлианский — в литургическом году. Внешняя похожесть на православных была значительная. Но последующие изменения показали, что содержание внешних форм по инерции, в силу привычки стоит недорого. Когда после Второго Ватиканского собора римский католицизм сам стал стремительно меняться и перестал «давить» на униатов, вскоре они переняли многие болезни латинян. Какого-либо серьезного иммунитета против западных инфекций, как оказалось, у греко-католиков нет.

В результате, евхаристический пост у униатов, как и у латинян, теперь сведен до 1-2 часов, то есть фактически попросту уничтожен. По подобию латинских священников, униатские служат две и более литургий в день, допускают служение на белом вине... Список новшеств можно продолжить. Каждое новшество при желании можно богословски оправдывать, но очевидно, что связи с литургической традицией Востока рвутся ради Римских нововведений.

Если бы западный литургист с научной целью взялся бы посещать греко-католические храмы, то в одних увидел бы, как причастники лично идут к Чаше (по-восточному), а в других — как священник ходит между двумя рядами коленапоклоненных причастников (по-западному); в одних храмах в Великий пост служат Преждеосвященную литургию, в других — каждый день утром и вечером без часов, без утени, без других служб суточного круга — Литургию святого Иоанна Златоуста. Не синтезирование двух традиций, а хаос, порождающий в прихожанах безвкусие и безразличие, — вот сегодняшнее состояние богослужebной жизни Греко-Католической Церкви¹. Никто не будет возражать, что

¹ Еще во время пребывания в сане архимандрита Любомир Гузар обмолвился, что в результате заключения унии «мы [греко-католики] стали поверхностно относиться к Литургии» (из доклада «В поисках

изучать на ее примере восточную традицию — занятие бесполезное.

Богослужение тесно связано с монашеством, ведь нигде не знают службу и не служат так, как в святых обителях, которые для того и создавались, чтобы быть оазисами молитвы в пустынях житейской суеты. Если бы «непогрешимого» папу не в конце XX, а в конце XVI века осенила мысль поучиться монашескому деланию у православных, то на нынешних униатских территориях нашлось бы у кого поучиться (например, у Иова Почаевского). Города и веси Речи Посполитой были покрыты плотной сетью больших и малых монастырей. Некоторые (например, скит Манявский) были устроены для жительства по Афонскому уставу. Факт этот знаменателен, поскольку Афон и его влияние в православном мире неocenимы. С Афона на Русь для защиты Православия присылал свои послания и несколько раз приходил пешком для проповеди инок Иван (Вишенский), уроженец Судовой Вишни на Львовщине. Этот монах олицетворяет ту тревогу, которая всколыхнула православный мир, узнавший о Брестской унии.

Будучи религией монахолюбивой (свет мирянину — инок, свет иноку — ангел), Православие распространялось, утверждалось, защищалось усилиями монашествующих. На примере Свято-Успенской Киево-Печерской Лавры видно, что обители были, кроме всего прочего, центрами книжной культуры (преп. Нестор), иконописи (преп. Алипий), врачебного искусства (преп. Агапит). Эти тенденции были присущи всему православному монашеству, и Галичина, Волынь не были исключениями. Те смутные времена, как это ни удивительно, характеризовались истинным горением подвижнического духа. На горе Почаевской, как «един от древних», подвизался преподобный Иов. В окрестностях Жовквы за 6 лет до унии (в 1590 г.) пришедшими с Белой Руси иноками Сильвестром и Иоанном основывается пещерная обитель. Так вот, с этими цветниками молитвенной жизни католицизм повел жесточайшую борьбу. Например, в Зимненском монастыре

гармонии»). Фраза эта для западных — просто звук, но для православных, у которых «Православие = богослужению» (свящ. П. Флоренский), а Литургия — сердце богослужений, это серьезная самокритика. Хотя, справедливости ради, нужно признать, что эта беда — удел не только униатов.

(Волынь) были убиты отказавшиеся принять унию; согласившихся постригли налысо, и когда отрасли волосы — постригли заново в монахи (уже — униатские).

Ярким примером, олицетворяющим ту борьбу, является образ двух людей — представителей враждовавших сторон. Преподобномученик Афанасий Брестский и почти единственный униатский «святой» Иосафат Кунцевич. Очевидна несовместимость этих двух лиц на страницах одного месяцеслова, в них — выражение несовместимости униатства с православием, невозможности их органического соединения. А является ли естественным то, что в униатстве один монах — последователь восточной традиции, делатель Иисусовой молитвы, а другой — духовное чадо иезуитских молитвенных практик, медитаций, экстазов, самобичеваний? На примере этих знаковых для двух традиций путей видна пропасть, отделяющая православно-восточный образ духовности от западного.

Духовная жизнь греко-католиков, по неизбежности, раздвоена. Они празднуют Великим постом память преподобного Григория Паламы (кстати, преподобный Григорий Палама был осужден на Замойском Синоде 1720 г. как еретик, было запрещено чтить его память), одновременно принимая в богословии сторону Варлаама Калабрийского¹. Празднуют память преподобного Иоанна Лествичника, но в жизни больше любят не его трезвую мудрость, а практику стигматиков и мистиков: Франциска, Пио и проч. Униат может ничего не знать о Горе Афонской, о Благодатном огне у Гроба Господнего, но уже точно знает о чистилище, о Фатимской тайне, о явлении кому-то «пронзенного Сердца» и т. д.

В этой раздвоенной, полузападной-полувосточной среде трудно явиться чему-либо поистине хорошему. Духовных светочей, подобных старцам афонским, греческим, глинским, оптинским, у греко-католиков никогда не было. И дело тут не в многовековом политическом и национальном гнете (под гнетом были многие православные народы, из среды которых и в эти времена вышло немало подвижников, молитвенников, духовных светочей). Дело в духовной среде, в церковной почве. Святитель Николай возможен только в Православии (тогда еще всеобщем). Представить себе его в качестве католического бискупа очень сложно.

¹ См. статьи преподавателя УКУ п. Гусака.

Подытоживая тему, скажем: благодатного старчества в униатской среде нет, как нет в ней восточного монашества и ненарушенного преемства богослужебной и молитвенной жизни; опыт духовника здесь подменяется знанием психологии, труд в поте лица над собственным спасением (борьба со страстями) — «миссией» (желанием катехизировать и спасти всех и всюду), поскольку считается, что личное спасение придет автоматически. Говоря словами папы Иоанна Павла II, «свет на Востоке» точно существует, но окатоличенные области бывшего православного края из этого «востока» уже давно вырваны.

Современное либеральное сознание одинаково относится к любым формам религиозной жизни. Стоит ли «огород городить» в отношении одной из конфессий, к тому же — традиционной? Действительно, следует признать, что с течением времени критика униатства затрудняется. Для огромной массы современных христиан совершенно безразлично, читать в Символе веры «и от Сына» или нет, поститься перед Причастием или не поститься, по старому или по новому календарю отмечать праздники. Что уж говорить, если женское священство и однополые «браки» медленно, но верно получают распространение и признание в западном христианстве...

Людям, которые не желают знать самой сути Православия, мы не можем правильно указать, где и в чем они его повредили и опорочили. Для плохо воцерковленных масс разговор об унии превращается в «высшую математику» или «церковную политику». Однако тем, кто неравнодушен к церковной жизни, нужно помочь понять, что уния родилась не из теорий, а из жизненного разлада, из расслоения церковного народа на «благочестивую чернь» и «высокопреосвященную шляхту»; из-за недалёковидности иерархов, которые в своих действиях руководствовались больше политическими и экономическими мотивами, чем духовными.

Противопоставить унии можно снова не теории, а оздоровление церковного организма, правильное воцерковление православных людей. Это и есть та линия фронта между церковным Православием и Западом, о котором говорит Хр. Яннарас.

С момента заключения унии и до недавнего времени народ все время стремится к возвращению в лоно Православной Церкви-Матери. То, что уния постепенно исчезала на

Волыни, в Беларуси и в других местах, было возвращением к *status quo*.

Ныне униаты, за небольшим исключением, уже не стремятся к единению с православными. Время сделало свое дело. Древние связи разорваны. Вопрос церковного единства теперь для униатов видится лишь как присоединение православных к Риму, но никак не возвращение в лоно Православия. Чтобы не быть голословным, процитирую Верховного архиепископа УГКЦ Любомира кардинала Гузара: «В конце XVI века украинские владыки, понимая невыносимое состояние христиан византийского обряда, решили подтвердить свое единство с Римской Апостольской Столицей и с преемником святого апостола Петра. Собственно, тогда началось трагическое разъединение Киевской митрополии, которое продолжается до сих пор. В Украине образовалось две Церкви: та, которая соединена с Преемником апостола Петра, и та, которая вследствие посторонних влияний этого единства не приняла. Кроме этого отличия, две части киевского корня практически ничем не отличаются»¹.

Комментируя решение о переносе митрополичьей кафедры из Львова в Киев, где на левом берегу Днепра (не символическом ли?) должен быть построен униатский, называемый патриаршим, собор, кардинал Гузар сказал, что УГКЦ получила возможность, «о которой еще совсем недавно никто не смел даже мечтать... В связи с этим, УГКЦ, после двухсотлетнего пребывания далеко от Киева, хочет перенести центр своего Главы в столицу Украины и соорудить для него надлежащий храм и соответствующую резиденцию... Сегодня через разъединенность Христовой Церкви... центров в столице много. Надеемся, что когда-то, с Божией помощью, Глава единой Украинской Церкви воссядет в соборе Святой Софии, символе нашего единства»².

Нужно думать, что в будущем не стоит ожидать массовых возвратов в Православие. Дело ограничится возвратами отдельных личностей, наиболее внимательных к духовной жизни и мужественных одновременно. Возможны также и переходы православных в католицизм с помощью унии. Униатская широта взглядов (читай — беспринципность) на Западе

¹ Материалы Синода Киево-Галицкой митрополии УГКЦ. 3-4 января 2002 г., г. Львов.

² Там же.

может сослужить тут немалую службу. На Западе греко-католический священник побреется, а на Востоке — отрастит бороду. На Западе будет служить с филиокве и, если нужно, на опресноках, а на Востоке, конечно, без всего этого. Он будет стараться быть «всею для всех», чтобы обмануть и окатоличить хотя бы некоторых.

Эта церковная театрализация будет делаться (и уже делается) с истинным миссионерским рвением, так что православным батюшкам пора сильно обеспокоиться. Если у кого службы совершаются наспех или с большими сокращениями, если кто с прихожанами груб, проповедовать не любит и к деньгам пристрастен, то горе ему, если в его окрестностях появится елейно-ласковый униат, совершающий службы даром.

Римское католичество, породившее униатство, целые столетия упорно и бесстыдно занималось его латинизацией, и только теперь создались условия для широкомасштабных действий униатов на пользу Рима, условия для востребованности греко-католического гибрида. Следует помнить, что в среде греко-католиков существует большой заряд ненависти к Православию. В сегодняшнем святоотеческом Православии униаты видят живой укор себе, укор в измене. Их ненависть к Православию является аналогичной ненависти калеки к здоровому, двоечника к отличнику, бедного к богатому. Поэтому, не понимая себя самих до конца, униаты будут бороться именно с церковным Православием, которое и доньше осталось верным апостольским завещаниям.

Либералы и фантазеры, мистики-неврастеники, экуменисты и тайные безбожники — только бы не святые отцы, не старцы, не дух Афона, Киево-Печерской Лавры, Почаева, Валаама, Оптиной, Дивеева, — таковы мечты Запада о Православии. Воплощать эти ожидания будут, в первую очередь, католики восточного обряда.

Проблема унии — не региональная, а общецерковная. На момент возникновения унии весь православный мир реагировал на эту проблематику. Иерусалим, Антиохия, Афон, Москва, Константинополь, патриархи, монахи, казачество, братства, князья, богословы — всколыхнулись все. Но сегодня, когда уния, как вирус, прошла мутацию и стала опаснее, ею обеспокоены преимущественно только в Галичине и сопредельных областях.

Жизненно важный вопрос для Церкви — это осведомленность в вопросах униатства, поскольку оно есть самая тонкая и опасная подмена Православия из всех существующих.

Существуют «две нации, между которыми нет общения, которые имеют настолько малое представление об обычаях, мыслях, чувствах друг друга, словно они жители разных зон или жители разных планет. Они формируются под влиянием разного воспитания, потребляют разную пищу, у них различные манеры общения и живут они по разным законам», — так сказал лорд Бенджамин Дизраэли в 1845 г. о богатых и бедных в Англии. Эту цитату вполне можно приложить к характеристике взаимоотношений православных и униатов в Украине, если, конечно, говорить не просто о богатстве, а о богатстве духовном.